

12+

Кирилл Дмитриевич Болдыгин

**КАРТА
НЕВИДИМЫХ МЕСТ**

Кирилл Болдыгин
Карта невидимых мест

«Издательские решения»

Болдыгин К. Д.

Карта невидимых мест / К. Д. Болдыгин — «Издательские решения»,

В городе-механизме, живущем по таблицам, мальчик Кирилл рисует карту на чистом листе. Там, где другие видят лишь координаты, он находит «угол с запахом корицы» и «лужу со звездами». Это история о том, как одна встреча меняет судьбы сурового Генерала, Банкира и Строителя. Книга напомнит, что живое сердце мудрее сухих цифр, а доверие — единственный способ найти опору в пустоте. Позвольте себе «потеряться», чтобы наконец-то найти путь к самому себе.

© Болдыгин К. Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Банк	6
Глава 2. Зал Суда	10
Глава 3. Военный полигон	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Карта невидимых мест

Кирилл Дмитриевич Болдыгин

© Кирилл Дмитриевич Болдыгин, 2026

ISBN 978-5-0070-0750-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карта невидимых мест

История о мальчике, который нашел путь там, где его нет на карте

Автор: Кирилл Болдыгин

Глава 1. Банк

В большом городе, где каменные стены так высоки, что облака кажутся лишь случайными прохожими, стоял Дом с крепкими дверями и строгими лицами. Это был Банк.

Внутри пахло не деньгами, как можно было бы подумать, а холодным полированным деревом, меловой пылью и тревогой. Здесь каждый шаг измерялся, каждый вздох, казалось, был вписан в сложную таблицу доходов и расходов.

Люди входили в это здание с лицами, похожими на сухие грибы, и сжимали в руках портфели, будто это были единственные спасательные круги в океане цифр.

В этом Доме жил Главный Банкир. Его звали Павел Петрович. Он носил очки, которые постоянно сползали на нос, и тогда он смотрел на мир поверх них, как на беспорядок, который нужно немедленно исправить. Павел Петрович любил цифры больше, чем людей. Цифры никогда не плакали, не смеялись и не просили займы. Они просто были. Они были твердыми, как камни, и надежными, как смерть.

Он сидел в своем кабинете, где на стенах висели портреты предыдущих банкиров, смотревших на него с такой же серьезностью. На его столе лежал лист бумаги, испещренный колонками цифр. Он водил по ним пером, и это шуршание было единственной музыкой, которую он признавал.

Вдруг в тишину кабинета, тяжелую, как ковер, вплелся легкий звук.

Шур-шур-шур.

Это был звук крыльев, сделанных из обычной тетрадной страницы. Бумажный самолетик, запущенный чьей-то легкой рукой, описал круг над головами клерков и, покружив над плечом Павла Петровича, мягко плюхнулся прямо на его безупречный расчет прибыли.

Павел Петрович поднял глаза. В дверях стоял мальчик.

Это был Кирилл. В руках он держал свой чистый лист карты, который сейчас был свернут трубочкой. На его лице не было страха, только легкое любопытство, как будто он попал не в оплот финансов, а в странный музей, где выставлены чучела скучающих людей.

— Что это? — строго спросил Павел Петрович, тыкая пальцем в самолетик. — Ты нарушил тишину. Тишина — это золото, мальчик. Она позволяет мыслить рационально.

— Это самолет, — ответил Кирилл, подходя к столу. — Он построен не из металла, а из надежды. Я запустил его в окно, но ветер здесь внутри какой-то сонный. Ему трудно лететь.

— Надежда не имеет курса, — банкир поправил очки. — А без курса ты потеряешься. Посмотри на мои цифры. Вот проценты. Вот дивиденды. Вот кредиты. Каждое число — это точка на карте. Они складываются в дорогу, которая ведет к процветанию. А твой самолет? Где его пункт назначения?

— Он летит к тому, кто посмотрит на него с улыбкой, — сказал Кирилл. — Сегодня это вы. Хотя вы пока и не улыбаетесь.

Павел Петрович взял самолетик двумя пальцами, словно это была муха, и повертел его. Бумага была мятая, на крыле была надпись, сделанная синим карандашом: «Доверие».

— «Доверие»? — переспросил он с иронией. — В моем мире доверие — это всего лишь процентная ставка. Я даю тебе сто монет, потому что уверен, что ты вернешь сто десять. Это математика. А твое «доверие» — это пустота. Зачем мне доверять тебе, если я не знаю, сколько ты заработаешь в следующем квартале?

— Вы считаете деньги, — тихо сказал Кирилл, глядя в окно, где за стеклом проплывало облако, похожее на льва. — Но вы не считаете сердцебиения. Ваш Банк стоит на цифрах, но рухнет он от отсутствия веры. Посмотрите на мой самолет. Он приземлился к вам не потому, что вы богаты. Он приземлился к вам, потому что вы устали.

Банкир хмыкнул.

— Я не устал. Я эффективен. Я просчитываю риски. Риск — это враг. Если я буду доверять каждому встречному, я скоро окажусь на улице с пустыми карманами. Доверие — это роскошь для тех, кто не отвечает за результат.

— Нет, — возразил мальчик. — Недоверие — это роскошь для тех, кто забыл, как строить мосты. Вы строите стены. Вы заперли свои сокровища за решетками, но вы заперли и себя вместе с ними. Знаете, я был сегодня у фонтана. Там один старик дал мне кусок сахара для голубей. Он не просил у меня расписку и не брал проценты. Он просто доверился мне, что я накормлю птиц. И это было самое богатое мгновение в моем дне.

Павел Петрович задумался. Он посмотрел на цифры в своей книге. Они казались такими четкими: 1 000 000. Но почему-то, когда он посмотрел на бумажный самолетик, эти миллионы стали казаться просто чернилами на бумаге.

— В чем суть твоего доверия? — спросил он уже не так строго. — Почему я должен доверять тебе или кому-то еще, если всегда есть вероятность, что нас обманут?

— Потому что без доверия вы не сможете купить даже стакан воды, — ответил Кирилл. — Продавец дает вам воду сейчас, а вы платите потом. В этом маленький акт веры. Если вы будете ждать, пока вода превратится в цифры на вашем счету, вы умрете от жажды. Вы называете это «кредитом», а я называю это «дыханием».

Мальчик положил свою чистую карту на стол рядом с расчетами.

— Посмотрите на это, — сказал он. — Вы видите здесь улицы? Нет. Я нарисую здесь только то, что важно. Вот здесь будет «Угол, где пахнет корицей». Вот здесь — «Место, где слышно, как растет трава». А вот здесь — «Банк, в котором поверили».

— Ты хочешь сказать, что мой Банк ненадежен? — в голосе банкира вспыхнула былая гордость. — У нас золотой запас!

— Золото — это просто тяжелая желтая грязь, если за ней не стоит сердце, — мягко произнес Кирилл. — Скажите, Павел Петрович, если завтра все цифры исчезнут, останется ли у вас что-то, кроме пустых колонок? Есть ли у вас место на карте, куда вы идете не за деньгами, а за светом?

Банкир молчал. В кабинете было тихо. Слышно было только, как тикают часы, отсчитывая время, которое нельзя вернуть. Он посмотрел на свои руки. Они были сухими и чистыми, но в них не было ничего, кроме привычки сжимать перо.

— Я знаю, как увеличить капитал, — сказал он, и в его голосе прозвучала горечь. — Но я не знаю, как увеличить пространство в своей груди. Я считаю прибыль, но я не чувствую радости. Может ли ваша карта показать мне путь к радости?

— Моя карта пуста, — улыбнулся Кирилл. — И в этом ее сила. Чтобы найти радость, нужно стереть страх потери. Вы боитесь потерять цифры, поэтому вы не можете приобрести чувства. Вы накопили много «безопасности», но стали очень несчастным человеком.

Он взял самолетик со стола и подул на него, словно оживляя его.

— Знаете, — продолжил мальчик, — есть такая фраза, которую я хочу записать вам в тетрадь: «Банк, который хранит только золото, остается нищим, потому что его сейфы не умеют плакать от счастья».

Павел Петрович медленно снял очки. Его глаза, привыкшие к мелким цифрам, теперь смотрели на мальчика с каким-то детским удивлением.

— Я всегда думал, что доверие — это слабость, — прошептал он. — Если я доверюсь кому-то, я стану уязвим.

— Если вы не доверитесь, вы станете прозрачным, — ответил Кирилл. — Вы станете как этот лист бумаги, на котором написаны цифры, но который никто не сложил в самолет. Вы просто лежите здесь, пока вас не сожгут. Доверие — это то, что позволяет нам лететь. Даже если мы упадем, мы упадем, глядя на небо, а не вниз, на свои ботинки.

Мальчик развернулся, чтобы уйти, но у двери остановился.

— Кстати, — сказал он, не оборачиваясь. — Ваш браслет на запястье пищит каждый раз, когда ваш пульс становится слишком быстрым от волнения. Вы лечите симптом, но не болезнь. Болезнь — это то, что вы бежите от самого себя.

Дверь за Кириллом закрылась мягко, почти бесшумно.

Павел Петрович остался один. Он посмотрел на свою руку с мерцающим браслетом. Потом на лист бумаги с колонками цифр. Цифры казались такими далекими, как звезды, которые видны только ночью, а в кабинете всегда был яркий свет.

Он взял перо, но вместо того, чтобы писать цифру, он нарисовал на полях маленький кружок. Потом еще один. И еще.

Шур-шур-шур.

Он не услышал звука, но почувствовал, как что-то изменилось в воздухе. Как будто в комнату вошло доверие.

Банкир аккуратно свернул свой расчет прибыли и спрятал его в ящик. Потом он достал чистый лист бумаги. На нем не было сетки, не было линеек. Только белая, пугающая и такая свободная поверхность.

Он поднес перо к бумаге и написал одно слово.

Надежда.

Потом он посмотрел в окно. Облако, похожее на льва, уже уплыло далеко, но небо осталось огромным и синим. И впервые в жизни Павел Петрович почувствовал, что его миллионы — это просто песок в руках, и если он не откроет ладони, чтобы выпустить его на волю, он никогда не сможет взлететь вслед за бумажным самолетиком.

Вечером, выходя из Банка, он не посмотрел на свой навигатор и не посчитал шаги. Он просто пошел в сторону, где пахло свежим хлебом, чувствуя, как колотится его сердце — живое, неровное, прекрасное сердце, которое наконец-то перестало бояться потеряться.

А где-то в переулке Кирилл расправлял крылья своего следующего самолета, готовясь подарить кому-то еще одну точку на пустой карте, которую невозможно купить, но которую легко можно потерять, если перестать верить в чудо.

Глава 2. Зал Суда

Зал Суда был похож на огромную каменную шкатулку, где под тяжелыми сводами хранились не сокровища, а строгие истины. Здесь пахло старым деревом, сухим клеем и той особенной, въевшейся в стены тишиной, которая кажется тяжелой, как плащ.

Солнечный луч, пробившийся сквозь высокое узкое окно, казался единственным живым существом в этом пространстве. Он медленно кружил в воздухе, высвечивая пылинки, которые танцевали свой бесконечный и бесшумный танец.

В центре зала, за возвышением из темного дуба, сидел Судья. Его лицо напоминало пергамент, на котором годами выписывали колонки цифр, и теперь оно казалось пожелтевшим и непроницаемым. Перед ним лежали стопки бумаг, исписанных мелким, торопливым почерком. Каждый лист был чьей-то судьбой, превращенной в сухие факты и параграфы.

Судья поднял глаза. В них не было злобы, лишь сухая усталость человека, который слишком долго смотрел на мир через узкое горлышко закона.

— Ты не должен здесь находиться, мальчик, — произнес он. Голос его был подобен шелесту старой бумаги. — Здесь решаются важные дела. Здесь взвешивают вины и заслуги. Здесь царит Порядок.

Я стоял посреди огромного зала. Мой самолетик из тонкой бумаги, который я запустил с улицы, приземлился прямо на его стол, перевернув чернильницу. Синяя клякса расплывалась по белоснежному листу обвинения, точно маленькое озеро.

— Ваш Порядок похож на клетку, — тихо сказал я. — Он такой же прочный, но в нем очень трудно дышать.

Судья нахмурился. Он посмотрел на кляксу, но не крикнул. Возможно, его остановила тишина, которая всегда сопровождала меня.

— Порядок необходим, — отрезал он. — Без него мы погрязнем в хаосе. Я смотрю на цифры, на даты, на доказательства. Я вижу факт: ты нарушил тишину, ты испортил документ. Это зафиксировано. Это истина.

— Но разве истина — это только то, что можно измерить линейкой? — спросил я, подходя ближе. Пол под моими ботинками был холодным, гладким и совершенно чужим. — Вы видите кляксу и видите нарушение. А я вижу, как синяя краска похожа на крыло птицы, которая наконец-то вырвалась из клетки бумаги.

Судья поправил мантию. Она издала странный, шуршащий звук, похожий на вздох.

— Ты говоришь загадками. В Суде нет места фантазиям. Здесь есть Закон. Закон справедлив, потому что он одинаков для всех. Точка над *i*, неподвижная звезда, строгий вес.

— Мне кажется, — я положил руку на край его тяжелого стола, чувствуя грубую фактуру дерева, — что ваша справедливость слепа не только к лицам, но и к сердцам. Вы взвешиваете

поступки, но забыли взвесить чувства. Разве можно осудить человека, не зная, как бьется его сердце в момент ошибки?

Судья замер. Его пальцы, привыкшие перелистывать страницы, замерли на обложке тяжелого тома.

— Чувства обманчивы, мальчик. Чувства — это туман. Закон — это ясный день. Если я начну слушать сердца, я перестану быть Судьей. Я стану просто человеком, который сомневается.

— Разве быть человеком — это плохо? — спросил я с искренним удивлением. — Тот, кто перестал сомневаться, перестал расти. А тот, кто прячется за томами законов, чтобы не видеть чужую боль, лишь укрывает свою собственную немощь дорогими мантиями.

В зале повисла тишина. Она была настолько глубокой, что можно было услышать, как за окном проехала телега по брусчатке, и этот звук показался здесь неуместным, как смех на похоронах.

— Ты не понимаешь ответственности, — прошептал Судья. — Каждое мое решение — это кирпич в фундамент общества. Если я уберу хоть один кирпич, стена может рухнуть. Я должен быть твердым, как этот камень.

— Камень не плачет, — сказал я. — И камень не умеет прощать. А без прощения фундамент трескается изнутри. Вы строите правосудие, но забыли, что оно должно приносить покой, а не пустоту.

Я достал свою Карту. Чистый лист бумаги, который я всегда носил с собой. Я положил его рядом с исписанными протоколами.

— Посмотрите на это, — попросил я. — Здесь нет ни одной статьи закона. Но здесь есть место, которое я назвал «Берег Третьего Шанса». И еще есть «Мост, где падают слезы». Разве ваша карта мира не будет полнее, если вы добавите туда такие места?

Судья посмотрел на чистый лист. Его взгляд, привыкший к плотным текстам, поначалу блуждал, не находя опоры. Ему было страшно перед этой пустотой, перед этим свободным пространством, где не было предписаний.

— На этой карте нельзя ориентироваться, — сказал он, но голос его дрогнул. — Она... она бесполезна для управления.

— Она полезна для жизни, — ответил я. — Вы используете закон, чтобы наказать за ошибку. А я использую свою Карту, чтобы найти человека за этой ошибкой. Вы ищете вину, а я ищу душу.

Судья медленно снял очки. Его глаза были красными от недосыпа и постоянного всматривания в мелкие буквы. В них отражался синий квадрат окна, и казалось, что в этих глазах застыл кусок холодного неба.

— Я вижу людей каждый день, — сказал он тише. — Они приходят сюда, и каждый клянется, что правда на его стороне. Я устал от их правд. Я устал от того, что они называют справедливостью. Моя мантия — это единственная защита, которая не дает мне утонуть в этом море обид.

— Вы не защищаетесь от обид, — мягко возразил я. — Вы защищаетесь от любви. Любовь к ближнему — это и есть высший закон, который не нуждается в чернилах. Если вы накажете человека, не посмотрев ему в глаза, вы не восстановите справедливость. Вы просто добавите еще одну строчку в длинный список равнодушия.

Я подвинул к нему самолетик. Он лежал среди бумаг, серой птицей, не нашедшей своего гнезда.

— Этот самолетик пролетел над крышами, — сказал я. — Он видел, как старик уронил хлеб и заплакал, не смея поднять его при людях. Он видел, как девочка подарила последнюю конфету нищему. Разве ваш Закон может учесть тепло этой конфеты? Или вес этой слезы?

Судья взял самолетик в руки. Он был таким хрупким. Судья коснулся крыла пальцем. Бумага была тонкой, почти прозрачной.

— Ты говоришь так, будто видел всё это сам, — прошептал он.

— Я видел это сердцем, — ответил я. — А сердце видит то, что скрыто за стенами Суда. Оно видит не преступление, а боль. И иногда, чтобы исцелить боль, нужно не наказание, а простое человеческое слово.

Судья посмотрел на свои руки. Руки, которые десятилетиями выносили приговоры. Они казались ему вдруг чужими, тяжелыми, как камни.

— Что мне делать, мальчик? — спросил он. В его голосе больше не было сухой уверенности. Там звучал настоящий страх человека, потерявшего почву под ногами. — Если я начну слушать сердце, я не смогу судить. Я стану слабым.

— Вы станете живым, — сказал я. — Справедливость без милосердия — это просто хорошо отлаженная жестокость.

Я подошел к самому краю возвышения и посмотрел на пустые скамьи зала.

— Знаете, — сказал я, оборачиваясь. — Самый строгий судья часто оказывается самым потеряннным человеком. Он знает все законы чужих поступков, но совершенно не знает законов своего собственного сердца.

Судья медленно встал. Мантия шуршала при каждом движении, словно жалуясь на старость. Он подошел к окну, туда, где за стеклом плыли облака.

— Всю жизнь я думал, что справедливость — это когда каждому воздается по заслугам, — сказал он, глядя вдаль. — Строго, точно, неизбежно. Но я никогда не думал, что справедливость — это еще и умение пожалеть.

— Жалость — это не слабость, — сказал я. — Это длинные руки сердца, которые тянутся к другому, чтобы не дать ему упасть.

Судья посмотрел на кляксу на документе. Теперь она не казалась ему ужасным пятном. Она напоминала разлившееся море, в которое можно было нырнуть и смыть с себя всю тяжесть непрекаемых истин.

— Я вынес тысячи решений, — прошептал он. — Но сегодня я впервые почувствовал, что, возможно, я не всё знаю.

— Чем больше вы знаете о букве закона, тем меньше вы слышите голос жизни, — сказал я, сворачивая свою Карту. — Не бойтесь признать, что иногда самое справедливое решение — это отложить суд и просто послушать человека. Без протоколов. Без свидетелей. Тет-а-тет.

Судья сел обратно в свое кресло. Оно скрипнуло, приняв его вес. Он посмотрел на меня, и в его глазах, впервые за много лет, не было официальной сухости. Там была просто детская растерянность перед огромным, сложным миром.

— Иди, мальчик, — сказал он. — И возьми свой самолетик. Пусть он летает.

Я взял самолетик и направился к выходу. Когда я открыл тяжелую дубовую дверь, в зал ворвался шум улицы: крики торговцев, стук колес, смех детей. Этот шум был хаотичным, громким и невероятно живым.

— Знаете, — крикнул я ему на прощание, оборачиваясь в дверях. — Ваша мантия очень красивая, но под ней у вас есть сердце. Оно там, внутри. И оно тоже имеет право на голос.

Дверь закрылась, оставив Судью наедине с синим озером на бумаге и странным чувством легкости, которого он не испытывал с самого детства.

Зал Суда остался стоять, строгий и величественный, но в нем что-то изменилось. Казалось, старые стены впитали немного воздуха свободы и теперь дышали чуть легче, позволяя солнечным лучам играть на своих каменных плечах без всякой на то статьи закона.

Глава 3. Военный полигон

Земля здесь пахла не жизнью, а подготовкой к войне. В воздухе висел тонкий, едкий аромат сторевшего пороха, смешанный с запахом раскаленного металла и сухой, выжженной солнцем травы. Каждый камень здесь был уложен с математической точностью, каждый кустик подстрижен под линейку, чтобы ничто не мешало обзору.

Это было место, где порядок считался высшей добродетелью, а случайность приравнивалась к вражеской диверсии.

В центре этого безупречного хаоса стоял Генерал. Его мундир был выглажен так остро, что, казалось, его воротник мог разрезать бумагу. На столе перед ним лежала карта — шедевр геометрии, испещренная сетками координат, цифрами высот и стрелками азимутов. Здесь не было места для тени или воображения, только твердая, непреклонная реальность направлений.

Генерал смотрел на часы. Каждое его движение было экономным, как выстрел. Он ценил точность выше всего на свете. Для него мир состоял из задач, которые нужно решить, и целей, которые нужно поразить.

Я подошел к нему, держа в руках свой лист бумаги. Мой самолетик, сделанный из простого листа, только что приземлился у его начищенных сапог.

Он посмотрел на меня с высоты своего роста, и в его глазах я увидел не злость, а удивление. Так взрослые удивляются, когда видят, что кто-то нарушил закон гравитации без специального разрешения.

— Мальчик, — сказал Генерал, и голос его был похож на сухой треск веток. — Ты находишься на закрытой территории. Здесь каждый метр под контролем. Твой самолет нарушил траекторию движения. Это непозволительная вольность.

— Он просто искал ветер, — ответил я.

— Ветер не имеет цели, — отрезал Генерал. — А у меня есть цель. Моя задача — исключить ошибку. Слабость. Провал. Я контролирую каждый шаг моих солдат, каждую секунду их пути. Только так рождается победа.

Он указал рукой на простирающийся перед нами плац. Там солдаты в полной выкладке отработывали марш. Их шаг был таким четким, что казалось, они не идут, а переставляют шестеренки огромного механизма.

— Посмотри на них, — сказал Генерал. — Ни один не сойдет с дистанции. Никто не оступится. Это и есть настоящая сила — умение подчинять себя приказу и не бояться быть точным.

— А не страшно? — спросил я.

Генерал нахмурился.

— Чего страшно?

— Страшно быть таким сильным, что ты больше не можешь упасть. Ведь тот, кто никогда не падает, никогда не учится вставать. А это значит, он просто боится, что однажды его подведут ноги.

Генерал замер. Его рука машинально коснулась планшета с картой.

— Страх — это враг. Я искоренил его. Моя сила в том, что я не доверяю случайностям. Я доверяю только расчетам.

— Значит, ваша сила — это ваша крепость, — тихо сказал я. — Но я читал однажды, что крепость, которая не умеет открывать ворота, уже пала. Она просто не знает, что снаружи есть жизнь.

Я развернул свой чистый лист бумаги.

— Вот моя карта этого полигона.

Генерал посмотрел на белый лист. На нем не было ни одной линии.

— Это пустота, — сказал он строго. — С такой картой вы потеряетесь через пять минут. Вы не знаете, где враг, а где друг. Вы не знаете, куда стрелять.

— На этой карте отмечено только одно место, — ответил я. — Место, где остановился ветер. Я называю его «Точка Тишины».

— Тишина не поможет в бою, — фыркнул Генерал. — Стрельба по мишеням — вот что приносит результат. Мы стреляем, и мы знаем, что попадем. Мы контролируем исход.

— А что, если мишень — это не то, во что нужно стрелять? — спросил я. — Что, если истинная сила — это не умение разрушить цель, а умение позволить себе стать слабым?

Генерал рассмеялся, но смех его был сухим, как песок.

— Слабость — это провал. Я не допускаю провалов. В моей армии каждый знает свое место. Каждый шаг расписан. Мы боимся потерять контроль, потому что тогда наступит хаос.

— Вы не боитесь хаоса, — возразил я, глядя ему прямо в глаза. — Вы боитесь, что без ваших приказов вы сами не узнаете себя. Вы так привыкли командовать, что забыли, как слушать.

Я подошел к самому краю плаца, где стояли тяжелые танки, пахнувшие маслом и железом. Солдаты замерли, ожидая команды.

— Видите ли, — сказал я, обращившись к Генералу, — настоящая сила подобна реке. Она не ломает камни на своем пути, она течет вокруг них. Но вы пытаетесь стать льдом. Вы хотите быть твердым, чтобы никто не смог пошатнуть вас. Но лед хрупок. Он ломается, когда вода под ним слишком быстро бежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.